

Рано утром, около шести часов, Му Цзэлань внезапно проснулся от тревоги.

— А-Лин!

Ему приснилось, что А-Лин снова ушел, и все, что произошло на рассвете, казалось лишь сном.

Едва открыв глаза, он начал искать взглядом Ци Цзилина. Увидев спящего рядом А-Лина, Му Цзэлань почувствовал, как сердце наконец отпустило. В следующую секунду его глаза покраснели.

Он лежал на боку, замороженно глядя на А-Лина. Такое умиротворение и счастье — это было чувство, которое он давно позабыл. Казалось, с появлением А-Лина сама жизнь изменилась.

Сон Ци Цзилина всегда был чутким: услышав свое имя, он мгновенно пришел в себя. Он не стал открывать глаза, но сразу почувствовал на себе чей-то жгучий взгляд. Внезапно он вспомнил, что сейчас они находятся в особняке клана Му, а рядом лежит Му Цзэлань. Его дыхание стало ровнее — он не решался встретиться с братом Му лицом к лицу, желая понаблюдать за его реакцией.

Му Цзэлань не заметил, что Ци Цзилин проснулся. Полюбовавшись им несколько минут, он почувствовал, что что-то не так: голова пошла кругом. Будучи врачом, он слегка отстранился, убрал руку с плеча Ци Цзилина и коснулся собственного лба, горько усмехнувшись:

— Ну вот, все-таки лихорадка.

Несколько часов на весеннем ветру — и результат не заставил себя ждать. Его слабое тело так и не удалось по-настоящему укрепить за все эти годы.

Взглянув на Ци Цзилина, он медленно приподнялся и коснулся его лба. Когда прохладные пальцы коснулись теплой кожи, сердце Ци Цзилина на мгновение замерло. Слова брата Му о том, что он заболел, отозвались в душе болезненной жалостью.

Му Цзэлань родился с врожденным дефектом и с самого детства был болезненным ребенком. Клан Му потратил немало сил на его лечение, но это почти не помогло. Сколько он себя помнил, брат Му каждый день принимал лекарства: отвары, укрепляющие средства, целебные блюда — всё это не прекращалось никогда. Сначала ему даже запрещали выходить из дома. Стоило подуть легкому ветерку, как он тут же слегал с простудой. Лишь когда он пошел в начальную школу, стало чуть легче, но лекарства он пил по-прежнему ежедневно. В любую погоду, холодную или жаркую, он всегда был закутан в несколько слоев одежды.

— Хорошо, лихорадки нет, кажется, воспаления тоже.

Убедившись, что у А-Лина всё в порядке, Му Цзэлань с облегчением вздохнул и выбрался из

постели. Превозмогая головокружение и головную боль, он проверил рану А-Лина. Края немного кровоточили, но рана уже затягивалась, и ничего страшного не было.

Возможно, из-за того, что голова кружилась слишком сильно, когда Му Цзэлань попытался встать, он не удержал равновесие и всем телом повалился на грудь Ци Цзилина.

— Бах! — звук вышел громким, и, судя по всему, довольно болезненным.

Ци Цзилин, нахмурившись, невольно открыл глаза.

— П-прости.

Му Цзэлань никак не ожидал, что у него настолько не останется сил, что он просто свалит человека с ног. Это было... крайне неловко.

— С самого утра решил броситься в объятия?

Персиковые глаза Ци Цзилина наполнились лукавством, а уголки губ изогнулись в дерзкой, игривой улыбке. Прищурившись, он притянул Му Цзэланя к себе, повернулся на бок, прижался своим лбом к его и небрежно сжал его лицо пальцами. В этой расхлябанности, в этом диком нраве он оставался самим собой.

— Нет, — дыхание Му Цзэланя сбилось, когда он встретился взглядом с глубокими, темными глазами. Голос его звучал прохладно, но неуверенно.

Находясь так близко, он видел высокий прямой нос А-Лина, чувственные тонкие губы и черты лица, в которых сочетались красота и необузданность. А-Лин всегда был таким — своенравным, с диким и скверным характером.

— А я думаю, что да.

Ци Цзилин издал короткий смешок. Его длинные пальцы погладили губы Му Цзэланя. Взгляд его стал тяжелым и опасным, а где-то в самой глубине глаз заплескали искры. Проведя по губам еще пару раз, он надавил чуть сильнее, словно желая их растереть.

И внезапно, ухватив Му Цзэланя за подбородок, он накрыл его губы своими. Му Цзэлань застыл, в его голове воцарилась пустота.

На рассвете это он проявил инициативу и раззадорил А-Лин, но в этот раз... инициатива исходила от неё.

Дерзкая, необузданная, жесткая — казалось, за столько лет в ней ничего не изменилось, как и в её характере.

На этот раз в её действиях действительно проскальзывало нечто похожее на жестокое наслаждение.

Слушая, как сбилось дыхание Му Цзэланя, Ци Цзилин небрежно отстранилась и коснулась тыльной стороной ладони его лба.

— Лоб горячий. Брат Му, ты что, заболел?

Её ленивый, низкий голос звучал с хрипотцой, а в том, как она произнесла его имя, слышалась насмешка.

Бледные губы Му Цзэланя окрасились в алый, на белоснежном лице проступил легкий румянец, отчего он выглядел невероятно соблазнительно.

В глазах Ци Цзилин вспыхнуло пламя, смешанное с оттенком удовлетворения.

Именно такой Муму ей нравился больше всего.

Ощущение тепла, оставшееся на губах, заставило взгляд Му Цзэланя потемнеть. Он пристально посмотрел на Ци Цзилин и тихо усмехнулся:

— А-Лин, ты обо мне беспокоишься.

Это прозвучало как утверждение, не терпящее возражений.

В способности А-Лин говорить одно, а чувствовать другое ей не было равных. Он знал её слишком хорошо, и эти притворства не могли его обмануть.

— Беспокоюсь? Мой дорогой брат Му, разве я могу не беспокоиться?

Ци Цзилин небрежно отозвалась на его слова, не став ничего объяснять.

Она прекрасно знала: они с Му Цзэланем выросли вместе и знали друг друга до мельчайших подробностей. Даже спустя восемь лет разлуки те десять с лишним лет, проведенные вместе, никуда не исчезли.

— С твоим-то хрупким здоровьем, ты вообще сможешь подняться?

Она поправила подушку, полулежа облокотилась на изголовье кровати и притянула Му Цзэланя в свои объятия.

Голова Му Цзэланя кружилась. Знакомое, изматывающее состояние лишало его сил, и он был вынужден прильнуть к её плечу. Он напоминал цветок, потрепанный ветром и дождем: бывшая яркость увяла, осталась лишь поникшая красота, в которой, впрочем, чувствовалось некое болезненное очарование.

— Ты же прекрасно знаешь, что стоит мне заболеть, как я теряю всякие силы, — он бросил на Ци Цзилин косой взгляд и процедил сквозь зубы.

Язык у А-Лин был острым как бритва, и за столько лет это тоже не изменилось.

— Дело не только в болезни, в постели ты такой же, — Ци Цзилин усмехнулась, прищурив узкие глаза, в которых блеснула опасная искра.

Некоторые воспоминания были слишком свежи.

— ...Заткнись.

Уши Му Цзэланя покраснели, он сжал зубы.

— Что, злишься, потому что нечего возразить? А когда когда-то у тебя подкашивались ноги и ты лежал в моих объятиях, ты так не злился.

Сексуальные, тонкие губы Ци Цзилин продолжали двигаться, произнося развязные, необузданные слова без всякого стеснения. Она облизала пересохшие губы.

Она помнила.

Тот вечер...

Черт возьми, как же это было упоительно!

Человек перед ней был мягким, словно без костей, и когда она прижала его к...

— Я сказал тебе — заткнись!

Лицо Му Цзэланя залилось краской, он уткнулся ей в шею и со всей силы укусил. Спустя восемь лет он не собирался проявлять к ней никакой жалости.

— Черт!

Ци Цзилин не сдержала грубого ругательства от боли. Опустив взгляд на Му Цзэланя, который точно так же, как в ту ночь, покоился в изгибе её руки, она в итоге не нашла в себе сил его оттолкнуть.

Стоило ему укусить её, как вся его решимость испарилась. После такого всплеска эмоций голова разболелась еще сильнее, а головокружение усилилось.

Состояние лихорадки было невыносимым, и он просто обмяк в объятиях Ци Цзилин. Он не мог даже пошевелиться.

Его лихорадка отличалась от обычной: когда он болел, его страдания были в четыре-пять раз сильнее, чем у любого другого человека.

<http://bllate.org/book/21914/2276782>